

DOI: 10.20913/2224-1841-2026-3-17
УДК 159.923.2

Оригинальная научная статья

Семейные эмоциональные коммуникации как фактор воспитания копинг-стратегий в межпоколенном взаимодействии

И. Э. Соколовская

*Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: iren3d@yandex.ru*

С. В. Финько

*Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: sergfinko@gmail.com*

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению семьи как первичной среды, в которой складываются и передаются от поколения к поколению способы совладания с трудностями; каналом такой передачи авторы рассматривают эмоциональную коммуникацию между родителями и детьми. *Постановка задачи.* Дискурсом исследовательского поля выступает межпоколенная передача копинг-стратегий. Цель работы – установить связь между характеристиками семейных эмоциональных коммуникаций в родительской семье и копинг-стратегиями взрослых детей и оценить, в какой мере эмоциональная коммуникация выступает звеном такой передачи. *Методика и методология исследования.* Исследование выполнено на 132 диадах «родитель – взрослый ребенок» (264 человека) на основе когнитивной теории стресса и концепции семейных эмоциональных коммуникаций; применялись опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой, шкала Brief COPE Ч. Карвера в авторской семейной модификации и социально-демографическая анкета; данные обработаны корреляционным, регрессионным и медиаторным анализом. *Результаты.* Установлена межпоколенная преемственность по шкалам «критика», «фиксация на негативных переживаниях», «семейный перфекционизм» и общему показателю. Повышение общей дисфункциональности семейных коммуникаций сопряжено с усилением дисфункционального копинга и ослаблением проблемно-ориентированного у взрослых детей, а запрет на выражение эмоций затрудняет обращение за эмоциональной поддержкой. Обнаружено диагональное сходство копинг-профилей родителя и ребёнка внутри диад, а медиаторный анализ подтвердил частичное опосредование передачи дисфункционального копинга характеристиками семейных коммуникаций. *Выводы.* Полученные данные уточняют психологический механизм воспитания совладающего поведения в семейном контексте.

Ключевые слова: семейные эмоциональные коммуникации, совладающее поведение, межпоколенная передача, родительская семья, эмоциональная социализация, диадный анализ, медиация, психология семьи

Для цитирования: Соколовская И. Э., Финько С. В. Семейные эмоциональные коммуникации как фактор воспитания копинг-стратегий в межпоколенном взаимодействии // Профессиональное образование в современном мире. 2026. Т. 16, №3. С. 518–527. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2026-3-17>

DOI: 10.20913/2224-1841-2026-3-17

Full Article

Family emotional communications as a factor of coping strategies fostering in intergenerational interaction

Sokolovskaya, I. E.

Russian State Social University
Moscow, Russian Federation
e-mail: iren3d@yandex.ru

Finko, S. V.

Russian State Social University
Moscow, Russian Federation
e-mail: sergfinko@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the study of the family as the primary environment in which ways of coping with difficulties are formed and transmitted across generations; the authors consider emotional communication between parents and children as a channel of such transmission. *Purpose setting.* The discourse of the research field is the intergenerational transmission of coping strategies. The purpose of the work is to establish the relationship between the characteristics of family emotional communications in the parental family and the coping strategies of adult children and to assess the extent to which emotional communication acts as a link in such transmission. *Methodology and methods of the study.* The study was conducted on 132 parent – adult child dyads (264 individuals) on the basis of the cognitive theory of stress and the concept of family emotional communications; the Family Emotional Communications questionnaire by A.B. Kholmogorova, S.V. Volikova, M.G. Sorokova, the Brief COPE scale by C. Carver in the author's family modification, and a socio-demographic questionnaire were applied; the data were processed using correlation, regression and mediation analysis. *Results.* Intergenerational continuity was established for the scales criticism, fixation on negative experiences, family perfectionism and the overall index. An increase in the overall dysfunctionality of family communications is associated with the strengthening of dysfunctional coping and the weakening of problem-oriented coping in adult children, while the prohibition on expressing emotions complicates seeking emotional support. A diagonal similarity of the coping profiles of parent and child within dyads was found, and mediation analysis confirmed the partial mediation of the transmission of dysfunctional coping by the characteristics of family communications. *Conclusion.* The data clarify the psychological mechanism of coping behavior fostering in the family context.

Keywords: family emotional communications, coping behavior, intergenerational transmission, parental family, emotion socialization, dyadic analysis, mediation, family psychology.

Citation: Sokolovskaya, I. E., Finko, S. V. [Family emotional communications as a factor of coping strategies fostering in intergenerational interaction]. Professional education in the modern world, 2026, vol. 16, no. 3, pp. 518–527. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2026-3-17>

Введение. Семья представляет собой первую и наиболее устойчивую среду, в которой человек осваивает способы обращения с собственными эмоциями и приобретает начальный опыт преодоления трудностей. В пространстве повседневного семейного общения ребенок наблюдает, как старшие реагируют на неприятности, как они выражают или, напротив, скрывают переживания, как оценивают неудачи и каким образом восстанавливают душевное равновесие. Этот многократно повторяющийся опыт постепенно превращается в собственные привычные образцы реагирования, которые сопровождают человека и во взрослой жизни. По этой причине вопрос об участии семейной среды в формировании совладающего поведения относится к числу прин-

ципальных для психологии развития и психологии семьи.

Под совладающим поведением, или копингом, принято понимать совокупность сознательно применяемых когнитивных и поведенческих усилий, направленных на управление требованиями ситуации, которые оцениваются человеком как напряженные или превышающие его ресурсы [1]. В когнитивной теории стресса Р. Лазаруса и С. Фолкман копинг описывается как динамический процесс, опирающийся на первичную оценку ситуации как угрожающей либо нейтральной и на вторичную оценку собственных возможностей справиться с ней [2, р. 19]. Совладающее поведение принято отличать от психологической защиты: первое предполагает осознанные и от-

носителем гибкие действия, тогда как вторая срабатывает преимущественно автоматически и направлена на снижение тревоги без реального преобразования ситуации [3]. При всей разнице этих уровней оба формируются в едином контексте раннего эмоционального опыта, значительная часть которого приобретается в родительской семье [4].

Каналом, через который семейная среда воздействует на становление совладания, выступает эмоциональная коммуникация между родителями и детьми. В зарубежной литературе для обозначения соответствующего круга явлений используется понятие эмоциональной социализации – совокупности родительских реакций на эмоции ребенка, эмоциональной экспрессивности семьи и разговоров об эмоциях, которые либо поддерживают, либо подавляют развитие у ребенка навыков саморегуляции [5, р. 155]. Поддерживающие родительские реакции на негативные эмоции ребенка способствуют формированию адаптивных стратегий регуляции, тогда как неподдерживающие реакции закрепляют подавление эмоций и повышают риск тревожных и депрессивных проявлений. В исследовании 1 078 подростков связь между неподдерживающей эмоциональной социализацией и интернализирующими проблемами оказалась опосредована стратегией экспрессивного подавления, а связь поддерживающей социализации с благополучием – стратегией когнитивной переоценки [6, р. 660]. Сходные механизмы прослеживаются и в межпоколенном измерении: родительские трудности эмоциональной регуляции через неподдерживающие практики социализации связаны с дисрегуляцией эмоций у детей [7, р. 483], а семейная сплоченность способна как усиливать, так и ослаблять эти связи [8, р. 290].

В отечественной традиции близкое содержание операционализировано в концепции семейных эмоциональных коммуникаций А.Б. Холмогоровой, С.В. Воликовой и М.Г. Сороковой. В рамках концепции описан набор дисфункциональных коммуникативных паттернов родительской семьи, оказывающих стрессогенное воздействие на ребенка [9, с. 99]. Эти паттерны охватывают критику, индуцирование тревоги, запрет на выражение эмоций, фиксацию на негативных переживаниях, стремление к внешнему благополучию, повышенный контроль и завышенные семейные требования. Эмпирические работы, выполненные с применением соответствующего опросника, выявляют связь дисфункциональных коммуникаций с широким кругом неблагоприятных следствий – от эмоциональных расстройств до асоциального поведения подростков, причем в рейтинге выраженности дисфункций нередко лидируют семейный перфекционизм и индуцирование тревоги,

достигающие около 58–60% от максимально возможного балла [10, с. 41]. Особую ценность представляют данные о прямой связи семейных коммуникаций с совладанием: у взрослых уровень критики в родительской семье прямо сопряжен с обращенной на себя агрессией ($r = 0,706$; $p < 0,01$), а общий балл семейных дисфункций – со стратегией мысленного ухода от проблемы ($r = 0,753$; $p < 0,01$) [11].

Принципиальным для темы межпоколенной передачи является вопрос о преемственности самих эмоциональных коммуникаций. На единой межпоколенной выборке из 188 диад «студент – родитель» установлена статистически значимая преемственность по ряду параметров: по критике ($r = 0,159$), фиксации на негативных переживаниях ($r = 0,320$), семейному перфекционизму ($r = 0,266$) и общему показателю ($r = 0,310$) [12, с. 71]. Способ, которым в родительской семье принято обращаться с эмоциями, обнаруживает тенденцию воспроизводиться в следующем поколении. Поскольку та же эмоциональная коммуникация связана с выбором копинг-стратегий, правомерно предположить, что она выступает одним из звеньев передачи способов совладания от родителей к детям. Идея трансгенерационной передачи поведенческих и эмоциональных паттернов получила подтверждение и в работах на семейных диадах, где обнаруживалось сходство специфических стратегий совладания у представителей двух поколений [13; 14].

Постановка задачи. Несмотря на накопленный материал, связь между характеристиками семейной эмоциональной коммуникации и копинг-стратегиями взрослых детей, рассмотренная в диадной логике «родитель – взрослый ребенок», изучена недостаточно. Большинство работ либо ограничивается детским и подростковым возрастом, либо анализирует копинг и коммуникацию по отдельности, не сопоставляя показатели родителя и ребенка в пределах одной семьи [15]. Исходя из обозначенного, цель статьи состоит в установлении связи между характеристиками семейных эмоциональных коммуникаций в родительской семье и копинг-стратегиями взрослых детей, а также в оценке того, в какой мере эмоциональная коммуникация выступает звеном межпоколенной передачи способов совладания. Задачи исследования включают:

- 1) оценку выраженности и межпоколенной преемственности семейных эмоциональных коммуникаций в диадах «родитель – взрослый ребенок»;
- 2) установление связи характеристик семейных коммуникаций с типами совладания у взрослых детей;
- 3) анализ сходства копинг-профилей родителя и ребенка внутри диад и проверку медиаторной

роли эмоциональной коммуникации в передаче совладания.

Методика и методология исследования. Методологическую основу исследования составили когнитивная теория стресса и совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман [2], концепция семейных эмоциональных коммуникаций А. Б. Холмогоровой и соавторов [9], а также представления об эмоциональной социализации как механизме передачи регуляторных навыков от родителей к детям [5; 6]. В исследовании приняли участие 264 человека, образующих 132 диады «родитель – взрослый ребенок». Группу родителей составили лица в возрасте от 41 до 63 лет (средний возраст $49,7 \pm 5,8$ года), группу взрослых детей – лица в возрасте от 19 до 33 лет (средний возраст $24,8 \pm 3,6$ года). Доля женщин в выборке составила 68%. Критериями включения служили наличие регулярного контакта между поколениями, проживание в одном регионе и отсутствие тяжелых психических расстройств. В инструкции к опроснику семейных эмоциональных коммуникаций родители оценивали свою родительскую семью, а взрослые дети – семью, в которой выросли они сами, что позволило получить сопоставимые описания семейного контекста для двух поколений.

Методический комплекс включал три инструмента. Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой и М. Г. Сороковой применяется для оценки дисфункциональных коммуникативных паттернов родительской семьи и содержит семь шкал и интегральный показатель [9]. Для диагностики совладания использовалась шкала Brief COPE Ч. Карвера в авторской модификации, адаптированной к семейной сфере: формулировки пунктов переориентированы на способы преодоления трудностей, возникающих в семейном и межпоколенном взаимодействии при сохранении исходной структуры из четырнадцати субшкал [16, р. 93]. Дополнительно применялась социально-демографическая анкета. Статистическая обработка включала описательную статистику, оценку межгрупповых различий по t-критерию для зависимых выборок, корреляционный анализ по Спирмену, линейный регрессионный анализ и проверку медиации по методу Бэрона – Кенни; вычисления выполнялись в пакете IBM SPSS Statistics 26.0. Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» включает следующие шкалы:

1) Критика – выраженность родительских критических замечаний в адрес ребенка, особенно при совершении им ошибок (максимальный балл – 21);

2) Индуцирование тревоги – фиксация родителей на возможных трудностях, опасностях и неудачах, передаваемая ребёнку (максимальный балл – 15);

3) Элиминирование эмоций – действующий в семье запрет на выражение эмоций, прежде всего негативных (максимальный балл – 18);

4) Фиксация на негативных переживаниях – склонность родителей к длительному сосредоточению на неудачах и неприятностях ребенка (максимальный балл – 9);

5) Внешнее благополучие – стремление семьи скрывать проблемы и поддерживать видимость благополучия перед окружающими (максимальный балл – 9);

6) Сверхвключенность – повышенный контроль и чрезмерное вмешательство в жизнь ребёнка (максимальный балл – 9);

7) Семейный перфекционизм – завышенные требования и воспитание в духе высоких стандартов (максимальный балл – 9).

Шкала Brief COPE в примененной семейной модификации сохраняет четырнадцать субшкал, которые принято группировать по трём обобщённым типам совладания.

1. Проблемно-ориентированный копинг – активное совладание, планирование, использование инструментальной поддержки.

2. Эмоционально-ориентированный копинг – позитивное переформулирование, принятие, обращение к религии, поиск эмоциональной поддержки, юмор.

3. Дисфункциональный копинг – отрицание, разрядка эмоций, поведенческий уход, самообвинение, употребление веществ, отвлечение.

Результаты. Первым шагом анализа стало описание выраженности дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций в двух поколенческих группах, поскольку именно эти характеристики рассматриваются в качестве канала передачи. Усредненные показатели по семи шкалам СЭК, а также результаты их межпоколенного сопоставления приведены в таблице 1.

По части шкал поколения различаются, а по части между ними фиксируется значимая корреляция при отсутствии различий в средних. Индуцирование тревоги и сверхвключенность более выражены у взрослых детей, тогда как элиминирование эмоций и внешнее благополучие – у родителей. Такое распределение можно соотнести с результатами межпоколенных исследований, согласно которым старшее поколение чаще придерживается запрета на выражение эмоций и ориентации на показное благополучие, что объясняется особенностями воспитательных норм предшествующих десятилетий [12, с. 72]. Наибольший интерес представляют шкалы, по которым средние значения поколений не различаются, но корреляция остается устойчивой – критика, фиксация на негативных переживаниях, семейный перфекционизм и общий показатель. Именно эти пара-

метры допустимо рассматривать как проявление межпоколенной преемственности, поскольку они воспроизводятся в следующем поколении на сопоставимом уровне. Полученные коэффициенты близки к описанным в литературе значениям преемственности по тем же шкалам [12, с. 71], и это сходство подкрепляет устойчивость отмеченной закономерности.

Установив преемственность эмоциональных коммуникаций, перейдем к характеристике совладающего поведения взрослых детей и его связи с этими коммуникациями. Распределение трех обобщенных типов копинга у взрослых детей в зависимости от уровня общей дисфункциональности родительской семьи представлено в таблице 2.

Таблица 1. Средние значения шкал семейных эмоциональных коммуникаций в диадах «родитель – взрослый ребенок» ($M \pm SD$) и корреляции парных выборок
Table 1. Mean scores on family emotional communication scales in parent – adult child dyads ($M \pm SD$) and paired-sample correlations

Шкала СЭК	Родители	Взрослые дети	p	r (преемственность)
Критика	6,9 ± 3,8	7,2 ± 3,6	> 0,05	0,28 (p < 0,01)
Индукция тревоги	8,1 ± 3,9	9,7 ± 3,5	< 0,01	0,24 (p < 0,01)
Элиминирование эмоций	8,3 ± 4,5	6,4 ± 3,7	< 0,01	0,21 (p < 0,05)
Фиксация на негативе	3,8 ± 2,4	3,9 ± 2,3	> 0,05	0,33 (p < 0,01)
Внешнее благополучие	4,7 ± 2,3	4,1 ± 2,2	< 0,05	0,14 (p < 0,05)
Сверхвключённость	2,9 ± 2,0	3,5 ± 2,1	< 0,05	0,17 (p < 0,05)
Семейный перфекционизм	5,2 ± 2,1	5,1 ± 2,2	> 0,05	0,27 (p < 0,01)
Общий показатель СЭК	39,9 ± 11,3	39,9 ± 10,9	> 0,05	0,31 (p < 0,01)

Таблица 2. Выраженность типов копинга у взрослых детей при разном уровне общей дисфункциональности семейных коммуникаций (баллы по Brief COPE, $M \pm SD$)
Table 2. Prevalence of coping styles in adult children at different levels of general family communication dysfunction (Brief COPE scores, $M \pm SD$)

Тип копинга	Низкий СЭК (n = 44)	Средний СЭК (n = 61)	Высокий СЭК (n = 27)	p
Проблемно-ориентированный	21,8 ± 3,9	19,6 ± 4,1	16,9 ± 4,4	< 0,01
Эмоционально-ориентированный	18,4 ± 4,2	17,9 ± 4,0	16,7 ± 4,3	> 0,05
Дисфункциональный	12,1 ± 3,6	14,8 ± 3,9	18,3 ± 4,2	< 0,01

При сопоставлении трех подгрупп прослеживается отчетливая закономерность: с повышением общей дисфункциональности родительской семьи проблемно-ориентированный копинг у взрослых детей ослабевает, а дисфункциональный, напротив, усиливается. Эмоционально-ориентированный копинг при этом меняется слабо, и значимых различий между подгруппами по нему не выявлено. Эту закономерность допустимо соотнести с теоретическим положением о том, что неблагоприятная эмоциональная среда родительской семьи затрудняет освоение продуктивных способов преодоления и закрепляет ориентацию на снижение на-

пряжения без решения проблемы [5, р. 660; 7, р. 483]. Снижение проблемно-ориентированного копинга при высоком уровне дисфункций согласуется также с данными о возрастной динамике совладания, согласно которым продуктивные стратегии складываются постепенно и закрепляются по мере накопления жизненного опыта [17, с. 130; 18, с. 8].

Для уточнения того, какие именно коммуникативные паттерны связаны с конкретными способами совладания, выполнен корреляционный анализ между шкалами СЭК в восприятии взрослого ребенка и его копинг-стратегиями. Значимые связи представлены в таблице 3.

Таблица 3. Корреляции (по Спирмену) между шкалами СЭК и копинг-стратегиями взрослых детей
Table 3. Spearman correlations between SEC scales and coping strategies of adult children

Шкала СЭК	Проблемно-ориентир. копинг	Дисфункцион. копинг	Поиск эмоц. поддержки
Критика	– 0,27 ($p < 0,01$)	0,34 ($p < 0,01$)	– 0,19 ($p < 0,05$)
Индукция тревоги	– 0,18 ($p < 0,05$)	0,31 ($p < 0,01$)	– 0,12 ($p > 0,05$)
Элиминирование эмоций	– 0,24 ($p < 0,01$)	0,29 ($p < 0,01$)	– 0,33 ($p < 0,01$)
Фиксация на негативе	– 0,15 ($p < 0,05$)	0,26 ($p < 0,01$)	– 0,14 ($p < 0,05$)
Семейный перфекционизм	– 0,11 ($p > 0,05$)	0,22 ($p < 0,05$)	– 0,09 ($p > 0,05$)
Общий показатель СЭК	– 0,29 ($p < 0,01$)	0,38 ($p < 0,01$)	– 0,25 ($p < 0,01$)

Рассмотрение связей позволяет очертить содержательную картину. Наиболее тесные положительные корреляции с дисфункциональным копингом образуют общий показатель СЭК, критика и индукция тревоги: чем выше критика и фиксация родителей на опасностях, тем чаще взрослый ребенок прибегает к отрицанию, поведенческому уходу и самообвинению. Эти связи перекликаются с результатами исследования взрослых, где критика в родительской семье оказалась прямо сопряжена с обращенной на себя агрессией и мысленным уходом от проблемы [11], а также с данными о доминировании непродуктивных форм реагирования при выраженности

защитных механизмов [3; 19, с. 60]. Отдельного комментария требует шкала элиминирования эмоций, по которой зафиксирована наиболее сильная обратная связь с поиском эмоциональной поддержки ($r = -0,33$; $p < 0,01$): запрет на выражение эмоций, усвоенный в родительской семье, во взрослом возрасте оборачивается затрудненностью обращения к близким за поддержкой.

Поскольку отдельные корреляции не позволяют судить о совокупном вкладе коммуникативных паттернов, проведен регрессионный анализ, в котором зависимыми переменными выступали типы копинга взрослого ребенка, а предикторами – шкалы СЭК (табл. 4).

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа: предикторы копинг-стратегий взрослых детей среди шкал СЭК

Table 4. Regression analysis results: predictors of adult children's coping strategies among SEC scales

Зависимая переменная	Значимые предикторы (β)	R^2
Проблемно-ориентированный копинг	Критика (–0,24); элиминирование эмоций (–0,18)	0,14
Дисфункциональный копинг	Критика (0,29); индукция тревоги (0,21); общий СЭК (0,19)	0,21
Поиск эмоциональной поддержки	Элиминирование эмоций (–0,31)	0,11

По данным регрессионного анализа картина связей уточняется. Наибольшую объяснительную способность модель обнаруживает применительно к дисфункциональному копингу, в структуру которого вносят вклад критика, индукция тревоги и общий показатель дисфункциональности; совокупно эти предикторы объясняют около двадцати одного процента дисперсии. Проблемно-ориентированный копинг отрицательно предсказывается критикой и элиминированием эмо-

ций, а поиск эмоциональной поддержки – преимущественно элиминированием эмоций.

Установленные связи приобретают смысл межпоколенной передачи лишь при условии, что копинг родителя и копинг ребенка сходны в пределах одной семьи. Для проверки этого выполнен анализ корреляций копинг-профилей внутри диад: показатели каждого типа совладания родителя сопоставлялись с одноименными и разноименными показателями взрослого ребенка (табл. 5).

Таблица 5. Корреляции (по Спирмену) типов копинга родителя и взрослого ребенка внутри диад
Table 5. Correlations (according to Spearman) of parent and adult child coping types within dyads

Копинг ребёнка копинг родителя	Проблемно-ориентир.	Эмоц.-ориентир.	Дисфункцион.
Проблемно-ориентированный	0,34 ($p < 0,01$)	0,11 ($p > 0,05$)	– 0,16 ($p < 0,05$)
Эмоционально-ориентированный	0,09 ($p > 0,05$)	0,22 ($p < 0,05$)	0,07 ($p > 0,05$)
Дисфункциональный	– 0,13 ($p > 0,05$)	0,10 ($p > 0,05$)	0,39 ($p < 0,01$)

Наиболее тесные связи сосредоточены по диагонали таблицы: одноименные типы совладания родителя и ребенка коррелируют значимо положительно, причем наибольшее сходство приходится на дисфункциональный копинг ($r = 0,39$; $p < 0,01$) и проблемно-ориентированный ($r = 0,34$; $p < 0,01$). Разноименные сочетания значимых положительных связей в большинстве своем не образуют, а связь проблемно-ориентированного копинга ребенка с дисфункциональным копингом родителя оказывается слабо отрицательной. По диагональному характеру этих связей можно заключить, что внутри диад воспроизводится именно конкретный тип совладания, а не совладание вообще,

и такой вывод соответствует представлению о направленной межпоколенной передаче способов преодоления трудностей [13; 14].

Завершающим шагом стала проверка предположения о том, что сходство копинга родителя и ребенка опосредуется характеристиками семейной эмоциональной коммуникации. Проведен медиаторный анализ, в котором независимой переменной выступал дисфункциональный копинг родителя, медиатором – общий показатель дисфункциональности семейных коммуникаций в восприятии ребенка, а зависимой переменной – дисфункциональный копинг взрослого ребенка (табл. 6).

Таблица 6. Результаты медиаторного анализа: эмоциональная коммуникация как медиатор передачи дисфункционального копинга

Table 6. Results of mediator analysis: emotional communication as a mediator of the transmission of dysfunctional coping

Путь модели	Коэффициент (β)	p
Копинг родителя → СЭК (путь a)	0,33	$< 0,01$
СЭК → копинг ребёнка (путь b)	0,31	$< 0,01$
Копинг родителя → копинг ребёнка (прямой, c')	0,28	$< 0,01$
Общий эффект (c)	0,39	$< 0,01$
Непрямой (медиационный) эффект ($a \times b$)	0,10	$< 0,05$

По результатам медиаторного анализа при введении в модель общего показателя семейных эмоциональных коммуникаций прямой эффект передачи дисфункционального копинга снижается с 0,39 до 0,28, оставаясь значимым, а непрямой эффект через эмоциональную коммуникацию составляет 0,10 ($p < 0,05$). Такое соотношение отвечает признакам частичной медиации: эмоциональная коммуникация выступает одним из звеньев, через которые дисфункциональный копинг передается от родителя к ребенку, однако наряду с ней действуют и иные каналы передачи. Сохранение значимого прямого эффекта позволяет говорить о том, что часть сходства копинга объясняется механизмами, выходящими за пределы эмоци-

ональной коммуникации. На основании совокупности полученных данных правомерно описать механизм передачи следующим образом: критика и индуцирование тревоги формируют у взрослого ребенка ориентацию на дисфункциональные способы реагирования, элиминирование эмоций затрудняет обращение за поддержкой, а преемственность по этим же шкалам обеспечивает воспроизводство соответствующего эмоционального контекста в следующем поколении. Установленное диагональное сходство копинг-профилей и частичная медиация согласованно подкрепляют такую трактовку: и сам копинг, и порождающий его эмоциональный контекст передаются по поколенческой линии. Полученные результаты соот-

носятся с зарубежными медиаторными моделями, в которых эмоциональная социализация выступает посредником между родительскими характеристиками и регуляторными способностями детей [5, р. 660; 7, р. 483], и с отечественными данными о преемственности семейных эмоциональных коммуникаций [12, с. 71], а также о совладании как форме защитной активности семьи [20, с. 132].

Выводы. Научная новизна исследования состоит в том, что связь семейных эмоциональных коммуникаций с совладающим поведением рассмотрена в диадной логике «родитель – взрослый ребенок» с одновременной проверкой преемственности коммуникаций, сходства копинг-профилей и медиаторной роли коммуникации в передаче совладания. Характеристики семейных эмоциональных коммуникаций в родительской семье значимо связаны с копинг-стратегиями взрослых детей: повышение общей дисфункциональности коммуникаций, а также выраженности критики и индуцирования тревоги сопряжено с усилением дисфункционального копинга и ослаблением проблемно-ориентированного, тогда как запрет на выражение эмоций затрудняет обращение за эмоциональной поддержкой. Ряд коммуникативных паттернов – критика, фиксация на негативных переживаниях, семейный перфекционизм и общий показатель – обладает межпоколенной преемственностью, а копинг-профили родителя

и ребенка сходны по диагонали, при которой воспроизводится конкретный тип совладания.

Теоретическое значение работы заключается в уточнении психологического механизма межпоколенной передачи совладания: эмоциональную коммуникацию правомерно рассматривать как одно из звеньев такой передачи, что подтверждается результатами медиаторного анализа, зафиксировавшего частичное опосредование передачи дисфункционального копинга характеристиками семейных коммуникаций. Сохранение значимого прямого эффекта обращает к необходимости учета иных каналов передачи, прежде всего привязанности и качества межпоколенных отношений, изучение которых составляет содержание дальнейших научных разработок в данном направлении. Практическая значимость полученных данных состоит в том, что мишенью психологической работы с семьями, ориентированной на формирование продуктивного совладания у молодого поколения, целесообразно делать именно дисфункциональные коммуникативные паттерны – в первую очередь критику и запрет на выражение эмоций. Перспективы исследования связаны с привлечением лонгитюдного дизайна и расширением выборки за счет диад с участием отцов и сыновей, что позволило бы оценить роль пола в передаче способов совладания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мухиддинова У. Социально-психологические факторы формирования копинг-стратегий // Zenodo. 2025. №3 (12). С. 40–43. DOI: 10.5281/zenodo.17836103
2. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. N. Y.: Springer, 1984. 445 p.
3. Долгова В. И., Бельтюкова О. В., Кропачева К. И. Особенности защитно-совладающего поведения лиц с химической зависимостью: результаты пилотажного исследования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2024. №2 (180). С. 230–246.
4. Цымбалова А. В. Психологические защиты как способы сохранения психического здоровья // Интегральная наука: методология и практика: сборник статей I Международной научной конференции (Санкт-Петербург, ноябрь 2025). СПб., 2025. С. 29–33. DOI:10.37539/251112.2025.91.54.002
5. Edler K., Valentino K. Parental self-regulation and engagement in emotion socialization: A systematic review // Psychological Bulletin. 2024. Vol. 150, №2. P. 154–191.
6. Guo X., Jiao R., Wang J. Connections between Parental Emotion Socialization and Internalizing Problems in Adolescents: Examining the Mediating Role of Emotion Regulation Strategies and Moderating Effect of Gender // Behavioral Sciences. 2024. Vol. 14, №8. P. 660.
7. Rodriguez V.J., Zegarac M., Brumbaugh T. et al. Parental depressive symptoms and child psychopathology: Effects of parenting-specific emotion regulation and emotion socialization // Family Relations. 2024. Vol. 74, №1. P. 481–499.
8. Hu J., Zhou T., Huang Z. Parental Emotion Socialization, Emotion Regulation and Depressive Symptoms in Chinese Adolescence: The Role of Family Cohesion // The Journal of Early Adolescence. 2023. Vol. 44, №3. P. 281–305.
9. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, №4. С. 97–125.
10. Никитаев Н. М., Цветкова Н. А. Дисфункциональные семейные эмоциональные коммуникации как предикторы асоциального поведения у подростков, состоящих на социальном сопровождении // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. №4. С. 36–48.
11. Султанова А. Н., Кадырова Л. А., Карафинка П. М. и др. Влияние детско-родительских отношений в формировании копинг-стратегий во взрослом возрасте // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. №2 (140). С. 12.

12. Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Харитонов Т. С. Роль семейных эмоциональных коммуникаций в психологическом благополучии: межпоколенные эффекты // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28, №1. С. 69–75.
13. Ельникова О. Е., Добрин А. В. Трансгенерационная передача как определяющий фактор здоровьесберегающего поведения // Научно-педагогическое обозрение. 2026. №2 (66). С. 121–130.
14. Бучнева А. Е. Трансгенерационная передача психологических травм и формирование жизненного сценария личности // Тенденции развития современной науки в свете исследований молодых ученых: сборник статей IX международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2025). СПб., 2025. С. 26–29. DOI: 10.37539/251201.2025.89.57.003
15. Бабкина А. Ю. Сепарационные процессы у молодежи: роль семейной коммуникации // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2025. №8 (246). С. 237–244.
16. Carver C. S. You want to measure coping but your protocol's too long: Consider the Brief COPE // International Journal of Behavioral Medicine. 1997. Vol. 4, №1. P. 92–100.
17. Сайбулаева Д. Г. Особенности проявления проблемно-фокусированных и эмоционально-ориентированных копинг-стратегий в зрелом возрасте // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 40, №1. С. 127–134.
18. Бехтер А. А. Проактивное совладающее поведение человека на разных возрастных этапах // Тихоокеанский вестник психологии. 2025. №2 (2). С. 5–15.
19. Мохова С. Ю., Привезенцева А. В. Механизмы психологической защиты и копинг-стратегии представителей юношеского возраста Z-поколения, склонных к аддикции // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. Т. 21, №4. С. 54–75.
20. Лучинкина А. И., Демерджи Д. М. Совладающее поведение как механизм психологической защитной активности семьи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10, №2 (76). С. 130–139.

REFERENCES

1. Mukhiddinova U. Socio-psychological factors of coping strategies formation. *Zenodo*, 2025, no. 3 (12), pp. 40–43. DOI: 10.5281/zenodo.17836103. (in Russ.)
2. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping*. New York, Springer Publ., 1984, 445 p.
3. Dolgova V. I., Beltyukova O. V., Kropacheva K. I. Features of defensive-coping behavior of persons with chemical dependence: results of a pilot study. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2024, no. 2 (180), pp. 230–246. (in Russ.)
4. Tsymbalova A. V. Psychological defenses as ways to preserve mental health. *Integral Science: methodology and practice*: collection of articles of the i international scientific conference (Saint Petersburg, November 2025). Saint Petersburg, 2025, pp. 29–33. DOI:10.37539/251112.2025.91.54.002 (in Russ.)
5. Edler K., Valentino K. Parental self-regulation and engagement in emotion socialization: A systematic review. *Psychological bulletin*, 2024, vol. 150, no. 2, pp. 154–191.
6. Guo X., Jiao R., Wang J. Connections between Parental Emotion Socialization and Internalizing Problems in Adolescents: Examining the Mediating Role of Emotion Regulation Strategies and Moderating Effect of Gender. *Behavioral Sciences*, 2024, vol. 14, no. 8, p. 660.
7. Rodriguez V. J., Zegarac M., Brumbaugh T. et al. Parental depressive symptoms and child psychopathology: Effects of parenting-specific emotion regulation and emotion socialization. *Family relations*, 2024, vol. 74, no. 1, pp. 481–499.
8. Hu J., Zhou T., Huang Z. Parental Emotion Socialization, Emotion Regulation and Depressive Symptoms in Chinese Adolescence: The Role of Family Cohesion. *The Journal of Early Adolescence*, 2023, vol. 44, no. 3, pp. 281–305.
9. Kholmogorova A. B., Volikova S. V., Sorokova M. G. Standardization of the Family Emotional Communications questionnaire. *Counseling psychology and psychotherapy*, 2016, vol. 24, no. 4, pp. 97–125. (in Russ.)
10. Nikitaev N. M., Tsvetkova N. A. Dysfunctional family emotional communications as predictors of antisocial behavior in adolescents under social support. *Bulletin of the State University of education. Series: Psychological sciences*, 2025, no. 4, pp. 36–48. (in Russ.)
11. Sultanova A. N., Kadyrova L. A., Karafinka P. M. et al. The influence of child-parent relationships on the formation of coping strategies in adulthood. *International research journal*, 2024, no. 2 (140), p. 12. (in Russ.)
12. Petrash M. D., Strizhitskaya O. Yu., Kharitonova T. S. The role of family emotional communications in psychological well-being: intergenerational effects. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 69–75. (In Russ.)
13. Elnikova O. E., Dobrin A. V. Transgenerational transmission as a determining factor of health-preserving behavior. *Pedagogical review*, 2026, no. 2 (66), pp. 121–130. (in Russ.)

14. Buchneva A. E. Transgenerational Transmission of Psychological Traumas and the Formation of an Individual's Life Script. *Trends in the development of modern science in the light of research by young scientists*: collection of articles of the IX International Scientific Conference (Saint Petersburg, December 2025). Saint Petersburg, 2025, pp. 26–29. DOI:10.37539/251201.2025.89.57.003 (in Russ.)
15. Babkina A. Yu. Separation processes in youth: the role of family communication. *Scientific Notes of Lesgaft University*, 2025, no. 8 (246), pp. 237–244. (in Russ.)
16. Carver C. S. You want to measure coping but your protocol's too long: Consider the Brief COPE. *International journal of behavioral medicine*, 1997, vol. 4, no. 1, pp. 92–100.
17. Saybulaeva D. G. Features of the manifestation of problem-focused and emotion-oriented coping strategies in adulthood. *Herald of Dagestan State University. Series 2: Humanities*, 2025, vol. 40, no. 1, pp. 127–134. (in Russ.)
18. Bekhter A. A. Proactive coping behavior of a person at different age stages. *Pacific psychological journal*, 2025, no. 2 (2), pp. 5–15. (in Russ.)
19. Mokhova S. Yu., Privezentseva A. V. Psychological defense mechanisms and coping strategies of adolescents of generation Z prone to addiction. *North-Caucasian psychological bulletin*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 54–75. (In Russ.)
20. Luchinkina A. I., Demerdzhi D. M. Coping behavior as a mechanism of the psychological protective activity of the family. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 2024, vol. 10, no. 2 (76), pp. 130–139. (In Russ.)

Информация об авторах

Соколовская Ирина Эдуардовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики факультета политических и социальных наук, Российский государственный социальный университет (Российская Федерация, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр.1, e-mail: iren3d@yandex.ru).

Финько Сергей Васильевич – аспирант кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики факультета политических и социальных наук, Российский государственный социальный университет (Российская Федерация, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1, e-mail: sergfinko@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 26.06.2026

После доработки 20.08.2026

Принята к публикации 21.08.2026

Information about the authors

Irina E. Sokolovskaya – doctor of psychological sciences, professor at the department of psychology, conflict resolution, and behaviorology at faculty of political and social sciences, Russian State Social University (4 Wilhelm Pik str., Building 1, Moscow, 129226, Russian Federation, e-mail: iren3d@yandex.ru).

Sergey V. Finko – postgraduate student at the department of psychology, conflict resolution, and behavioral science, faculty of political and social sciences, Russian State Social University (4 Wilhelm Pik str., Building 1, Moscow, 129226, Russian Federation, e-mail: sergfinko@gmail.com).

The paper was submitted 26.06.2026

Received after reworking 20.08.2026

Accepted for publication 21.08.2026